

Научная статья

УДК 323.2

DOI: 10.20323/2658-428X-2022-4-17-34-47

EDN: KYZJJP

Информационная война в зеркале теории конфликта

Владимир Витальевич Озеров¹, Лариса Игоревна Никовская²✉

¹Магистр факультета публичной политики и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва.

²Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва

¹999thunderstorm666@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3266-0762>

²nikovsky@inbox.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

Аннотация. Проблематика информационных войн становится особенно актуальной в контексте проблем формирования цифро-сетевое общества и усложняющегося геополитического контура развития мировых процессов. Показано, что информационные войны ведутся с помощью такого специфического средства как информация и в таком качестве могут выступать частью геополитического, военного, социально-экономического конфликтов, а также могут разворачиваться самостоятельно. Понятие информационной войны означает операцию, проводимую с целью получения информационного преимущества над противником. Она заключается в том, чтобы контролировать и защищать персональное информационное пространство, распоряжаться информацией конкурентов и разрушать их информационные системы. Последствия информационных войн начала XXI века выявили очевидную незащищенность суверенных государств против мощных мер и инструментов противодействия современным информационным войнам. Интенсификация информационных войн в немалой степени связана с появлением феномена «новых СМИ», которые способны не только отражать настроения в обществе, транслировать информацию, но главным образом формировать это самое общество посредством ценностно-смысловой интерпретации политической реальности, ранжирования политических фактов по определенным шкалам их социальной значимости. Новые СМИ усиливают манипулятивно-пропагандистские технологии информационных войн. Конфликтологическая практика отмечает все более возрастающую роль феномена интерпретации. Интерес к информационной войне значительно возрос в связи с российско-украинским конфликтом и воссоединением Крыма с Россией в 2014 году. В это время англосаксонские медиа начали усиленную кампанию по созданию образа врага в лице нашей страны, представляющей угрозы «миропорядку, основанному

на правилах». Однако англосаксонская элита за короткое время, усиливая информационно-психологическое воздействие на русский мир, вводя в оборот пакет мер под названием «культура отмены», сделала невозможное, она значительно консолидировала российское общество.

Ключевые слова: цифро-сетевое общество; коммуникация; макроконфликт; информационные войны; манипуляция; пропаганда; дезинформация; мягкая сила; новые СМИ; интерпретация; постправда

Для цитирования: Озеров В. В., Никовская Л. И. Информационная война в зеркале теории конфликта // Социально-политические исследования. 2022. № 4 (17). С. 34-47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-4-17-34-47>. <https://elibrary.ru/kyzjpp>.

Original article

Information war in the mirror of conflict theory

Vladimir V. Ozerov¹, Larisa I. Nikovskaya^{✉2}

¹Master of faculty of public policy and management, Russian Presidential Academy of national economy and public administration, Moscow.

²Doctor of sociological sciences, chief researcher, Institute of sociology Federal research center of the Russian academy of sciences, professor, Russian Presidential Academy of national economy and public administration, Moscow.

¹999thunderstorm666@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3266-0762>

²nikovsky@inbox.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

Abstract. The problematics of information wars is getting more urgent in the context of the problems of the digital-network society formation and the growing geopolitical circuit in the development of world processes. It has been shown that information wars are waged using such a specific means as information and can be part of geopolitical, military, socio-economic conflicts, and can also be started on their own. The concept of information warfare means an operation carried out in order to gain an information advantage over the enemy. It consists in controlling and protecting the personal information space, managing the information of competitors and destroying their information systems. The consequences of information wars in the beginning of the XXI century revealed the obvious insecurity of sovereign states against powerful information confrontation and the lack of effective measures and tools in the world community to counter modern information wars. The intensification of information wars is largely associated with the emergence of the phenomenon of “new media”, which are able not only to reflect sentiments in society, broadcast information, but, mainly, to form this very society through a value-sense interpretation of political reality, ranking political facts according to certain scales of their social significance. New media are strengthening manipulative propaganda technologies of information wars. Conflictological practice notes the increasing role of the phenomenon of interpretation. Interest in the information war has increased significantly due to the Russian-Ukrainian conflict and the reunification of the Crimea with Russia in 2014. At this time, the Anglo-Saxon media began an intensified campaign to create an image of the enemy embodied in our country, posing threats to

the “rules-based world order”. However, the Anglo-Saxon elite in a short period of time, strengthening the information and psychological impact on the Russian world, introducing a package of measures called “cancel culture” into circulation, did the impossible, it significantly consolidated Russian society.

Keywords: digital-network society; communication; macro conflict; information wars; manipulation; propaganda; disinformation; soft power; new media; interpretation; post-truth

For citation: Ozerov V. V., Nikovskaya L. I. Information war in the mirror of conflict theory. *Social and political researches*. 2022;4(17):33-47. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-4-17-34-47>. <https://elibrary.ru/kyzjpp>.

Введение

Современный мир во все большей степени в своем развитии определяется информационными процессами, соревнованием идей и ценностно-смысловых конструкций, определяющих поведение как элитных, так и массовых слоев общества. Нематериальные факторы (ценности, символические конструкции, социокультурные феномены) начинают становиться важным инструментом «мягкой силы», с помощью которой можно оказывать влияние на субъектов мировой политики, даже не обладая достаточной экономической и военной мощью.

Проблематика информационных войн становится, таким образом, особенно актуальной в контексте проблем формирования цифрового общества и усложняющегося геополитического контура развития мировых процессов. По мысли испанского социолога М. Кастельса [Кастельс, 2000], развитие информационных технологий выступает в качестве того самого ресурса, который предопределяет век-

тор изменений в социальной жизни людей. Интернет расширяет и увеличивает возможности получения данных, информационной защиты и информационной дезорганизации, а также позволяет легко охватить как граждан одной страны, так и международное сообщество. Учитывая скорость коммуникации, широкий охват и низкую стоимость (дез)информационных кампаний, социальные сети играют решающую роль. Они также являются ценным источником информации о целевых группах, которым должна быть адресована эта деятельность. Информационная война через Интернет использует, среди прочего, фабрики троллей (организации, нанимающие людей, которые размещают в Интернете комментарии в соответствии с целями заказывающей стороны, используя фальшивые профили в социальных сетях), боты (программы, автоматически рассылающие сообщения, например, в ответ на появление ключевого слова), фальшивые новости (сообщения, призванные ввести в заблуждение пользователей СМИ).

На сегодняшний день не существует универсального или общепринятого определения того, что означает «информационная война» (*далее ИВ*), что представляет собой благодатную почву для международных споров. Разнообразие терминов может охватывать, пересекаться с концептом «информационной войны» или составлять ее часть [Bellamy]. Но очевидно одно, природа ИВ тесно связан с двумя фундаментальными явлениями – коммуникативной составляющей и феноменом социального макроконфликта, иными словами, информационные войны ведутся с помощью такого специфического средства как информация и в таком качестве могут выступать частью геополитического, военного, социально-экономического конфликтов, а также могут разворачиваться самостоятельно.

Наиболее значимый вид информационных войн – как идейно-смыслового явления – относят к проявлениям “soft power” or “smart power”. Данный понятийный контекст был введен в оборот видным политическим аналитиком и сотрудником внешнеполитических ведомств США Дж. Найем, которому принадлежит ряд основополагающих монографий и статей по данной проблематике [Най, 2006].

Справедливо радо надо отметить, что само по себе понятие ИВ не ново и появилось на рубеже еще XVII века, в эпоху Тридцатилетней войны. Как отмечает исследователи,

уже тогда в свет вышли первые информационные листовки. В 1990-е годы, по оценке автора, произошел новый виток в ИВ. В широком смысле автор рассматривает данный процесс как использование разных сред жизни (военных, дипломатических и пр.) с целью защиты своих собственных интересов и оказания влияния на информационную среду противоборствующей стороны для достижения поставленных задач. В узком – как действия, осуществляемые с целью подрыва и нейтрализации систем командования противника [Шевченко].

Результаты исследования

Понятие информационной войны означает операцию, проводимую с целью получения информационного преимущества над противником (*авторы проводят различие между ИВ как «технической» ИВ, направленной на разрушение или повреждение информационной инфраструктуры оппонента: информационных центров, центров принятия решений; и идейно-смысловой войной, так называемой содержательной ИВ, направленной на систему убеждений, представлений, ориентаций, стереотипов и т. п.* В статье речь идет именно о втором типе ИВ.). Она заключается в том, чтобы контролировать и защищать персональное информационное пространство, распоряжаться информацией конкурентов и разрушать их информационные системы [Blair, 2001]. ИВ включает в

себя также и психологическое влияние на человека. Со слов бывшего военного армии Соединенных Штатов майора Эд Роуза, психологические операции (PSYOP) способны дать оценку слабым и сильным сторонам врага, рассказать о его уязвимостях и убеждениях, а основными инструментами при проведении данного вида операций являются зрение и звук [Psychological].

В свою очередь средства массовой информации, по мысли Ноама Хомски, используют ряд различных стратегий по манипулированию сознанием человека, в том числе стратегию отвлечения, стратегию отсрочки, использование эмоциональной составляющей, метод самобичевания и пр. [Chomsky]. По мысли исследователя, мы живем сегодня в таком мире, в котором в демократических обществах Запада, «система контроля над СМИ куда более мощная, чем та, что была в тоталитарных обществах» [Chomsky]. Информационное противоборство между глобальными игроками неизбежно отражается на простых людях, которые попадают в «осаду», изоляцию. Общество становится все более фрагментированным, а авторитарные политические системы превращаются в централизованные информационные «пузыри», готовые «вот-вот» лопнуть. В условиях тотальной информационной войны демократические формы правления становятся практически невозможными, поскольку у людей нет адекватных средств

осмысления мира. Без здоровой системы СМИ, функционирующих в адекватной системе публичной политики, граждане не могут выработать реалистичное понимание мира.

Последствия информационных войн начала XXI века для многих государств и народов оказались просто катастрофическими [Сундиев, 2016]. Они выявили очевидную незащищенность суверенных государств против мощного информационного противостояния и отсутствие в мировом сообществе действенных мер и инструментов противодействия современным информационным войнам [Кокошин, 2016]. По признанию экспертов, именно неподготовленность нашей страны к такому виду борьбы и, напротив, подкованность в информационных делах Вашингтона, во многом обусловило затяжной характер «холодной войны». Феномен информационного воздействия в международных конфликтах в полной мере был осмыслен и включен в число вопросов государственного значения лишь после подписания в сентябре 2000 года Президентом России Владимиром Путиным «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Доктрина...].

Интерес к информационной войне значительно возрос в связи с российско-украинским конфликтом и воссоединением Крыма с Россией в 2014 году. Западные страны, поддерживающие Киев, оказывали

влияние на украинцев, россиян и международное сообщество с целью продвижения собственной версии событий. Для этого использовались как традиционные СМИ, контролируемые западными властями, так и социальные сети, которые были полем деятельности фабрик троллей. Взаимные обвинения с политических трибун и в СМИ, распространение ложной информации, пропаганда – вот основные признаки ИВ. К стратегическим целям, которые преследуют перед собой ИВ, относятся рефлексивное управление (практика предопределения решения противника в пользу того, кто ведет ИВ, путем изменения ключевых факторов его восприятия мира), подрыв и дестабилизация противника, а также использование отвлекающих маневров.

Иными словами, возникновение феномена сетевого общества фиксирует сложность и нарастающее многообразие современного социума на основе увеличивающегося влияния новых, электронных информационно-коммуникативных технологий. Стремительно формируется феномен так называемых «новых СМИ», которые существенно отличаются от традиционных [Diana Owen ...]. Они представляют собой такие формы коммуникации, которые способствуют производству, распространению и обмену политическим контентом на платформах и в сетях, позволяющих взаимодействовать и сотрудничать.

Им удалось трансформировать систему политических СМИ и по-новому определить роль журналистов. Новые СМИ способны не только отражать настроения в обществе, транслировать информацию, но главным образом формировать это самое общество посредством того, как надо представлять событийную структуру политической реальности, ранжировать политические факты по определенным шкалам их социальной значимости. Они же предлагают обществу интерпретации, комментарии и аналитические осмысления политических реалий. В результате отношение к «проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом предопределены теми, кто контролирует мир коммуникаций» [Самсонова, 2019, с. 254]. Таким образом, новые СМИ усиливают манипулятивно-пропагандистские технологии, которые Д. Лакофф связывает с когнитивным рефреймингом [Lakoff, 2009], а Г. Г. Почепцов обозначает как «смысловые войны» [Почепцов].

С точки зрения теории социального конфликта это приводит сегодня к повышению модальности информационной составляющей любого большого макроконфликта. *Информационная составляющая* связана, прежде всего, с информационными «помехами и шумами», когда либо скрывается, либо намеренно искажается информация о стороне, о ее особенностях, ресур-

сах, целях и пр. Это манифестация основана на том онтологическом конфликтном свойстве, что в реальном противоборстве мы имеем дело не с объективными фактами, а часто с *образами конфликтной ситуации*.

Конфликтологическая практика отмечает большую роль феномена *интерпретации*. В результате стороны конфликта имеют противоречивую и часто недостоверную информацию. Этот тип конфликта связан с наличием разных точек зрения относительно того, чья информация больше соответствует действительности, чья интерпретация фактов более адекватна, с корректностью методов оценки фактов. Эпоха так называемой «постправды» усилила манипулятивное начало в информационных проявлениях конфликтности, ее использование приводило к результатам, не совпадающим с теми, которые от нее ожидали получатели информации. Таким образом ИВ усилила, условно выражаясь, так называемый конфликт интерпретаций, апеллируя как к общественным слоям, так и к тем структурам, которые принимают решение. В этом смысле Россия сегодня, с точки зрения западных аналитиков, выступает не как одна из самых влиятельных и великих мировых держав, а как страна, величие которой состоит лишь в ее «имперских амбициях», а любые достижения рассматриваются через призму стереотипа о военной угрозе. Как показывают сегодняшние события (на

фоне специальной операции России на Украине), ИВ против России была спланирована тщательнее, чем сами военные действия. Ее главной целью, согласно экспертам [Эксперт...], является распространение в обществе недоверия к власти и армии и проведение публичного переворота с последующим упразднением суверенного развития страны. Причем западные политтехнологи говорят об этом даже устами президента США Дж. Байдена, который обещает «отбросить Россию далеко назад». Еще одной задачей информационной войны против России является деморализация российского населения и власти, а также разрушение ментального образа государства, который каждый россиянин несет в своей голове. Причем американские и британские медиа-специалисты придерживаются жесткого слога по отношению к России и деятельности нашей страны. Изучение мировой практики успешного применения информационного воздействия на общественное мнение показывает, что оно основывается на определенных технологических моделях конфликтного регулирования, базирующихся на соответствующих культурно-цивилизационных основаниях. Так, англосаксонская модель видит разрешение конфликтов в полной и принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон, точнее своего оппонента, который должен принять политические нормы и

стандарты англосаксонской цивилизации (так называемые «демократические институты»). Традиционно англосаксы используют при этом как методы силового давления («силовое умиротворение», «гуманитарные интервенции», «борьба с международным терроризмом»), так и методы не силового воздействия («мягкая сила», «бархатные революции», «информационно-психологическая война») [Манойло, 2018].

В 2014 году англосаксонские медиа начали усиленную кампанию по созданию образа врага в лице нашей страны, представляющей, якобы, угрозы «миропорядку, основанному на правилах». Далее, западные оппоненты то ослабляли, то ужесточали антироссийскую риторику, делая перерывы и отвлекаясь на других «государств-изгоев» – Китай, КНДР, Иран. В 2018 году с подачи Великобритании, после приписываемого России отравления Скрипалей, антироссийская пропаганда вновь усилилась. В том же году она достигла небывалого уровня, когда даже оппозиционные британские СМИ присоединились к консервативным изданиям в очернении России. Тогда же публичная ненависть к России стала мощным цементирующим фактором для разладившихся британо-американских отношений.

Начало специальной операции на Украине ожидаемо спровоцировало в адрес нашей страны новую волну критики, которая попала на благодатную почву антироссийских

настроений, тщательно пестуемых нашими оппонентами долгие годы. К причинам, по которым против России ведется информационная война, можно отнести следующие:

- коллективный Запад стремится сформировать вокруг России пояс нестабильности и враждебности [Естафьев] с целью ограничения ресурса российского политического влияния, а также предотвращения геэкономической консолидации Евразии;

- глобальная политика европейских стран предполагает строительство в Европе такого мирового порядка, при котором они сами играли бы в нем главную роль [Бордачев]. Этому активно противостоит Россия, которая опирается на ряд партнеров, прежде всего, Китай и Белоруссию. В Европе давно созрел консенсус относительно важности лишения нашей страны союзников, прежде всего, за счет обрыва ее связей с Пекином и Минском;

- усилия Запада на пространстве СНГ уже на протяжении многих лет направлены на замену культурно-исторических кодов. Это, согласно исследованию Агентства социального инжиниринга [Смена...], является ключевой задачей невооруженной агрессии США и ЕС против России, которая решается благодаря насаждению *агрессивного национализма* в постсоветских республиках по одной и той же схеме.

На этом фоне эксперты [Paikin] полагают, что украинский кризис 2022 года явился событием, которое

дополнительно подчеркнуло раздельные линии между двумя «конкурирующими союзами» – ЕС и Евразийским экономическим союзом. Попытки Запада раскачать ситуацию на постсоветском пространстве неизбежно ведут к нарастанию напряженности между ЕС, НАТО и Россией, создавая потенциально опасную ситуацию в современном мире впервые после окончания холодной войны.

Проблематика характера и успешности информационной войны между Россией и Западом является неотъемлемой частью дискуссии не только в политических и экспертных кругах, но и в российском обществе. Согласно опросу ВЦИОМ [Портал...], проведенному в апреле 2022 года в России, 90 % россиян видят очевидное и активное проявление информационной войны против нашей страны. Причем 61 % респондентов отметили негативный характер освещения роли российских войск в военной спецоперации на Донбассе. Что же касается эффективности информационного воздействия на общественное сознание россиян: те, кто видел эти материалы, заявляют, что они лживые. И только 10 % склонны доверять такой информации.

Заключение

Безусловно, мы являемся сегодня очевидцами постепенного геополитического заката господства англосаксонского мира в целом в XXI столетии. В основе его власти и, соответственно, неолиберального

глобализма находились контроль над СМИ и информационные войны, задуманные в виде обширной пропагандистской операции, с помощью которой происходило и происходит управление глобальным общественным мнением. Однако англосаксонская элита за короткое время, усиливая информационно-психологическое воздействие на русский мир, вводя в оборот пакет мер под названием «культура отмены», сделала невозможное, консолидировала российское общество: она отменила ценность и значимость русской/российской идентичности, ввела запрет на социокультурные формы русского самовыражения и пр. И этот фактор *предельной угрозы* существенно переформатировал элитные слои нашего общества, вымыв из него псевдо-элитные образования либерально-глобалистского свойства: так называемая «элита», в том числе самоназначенная, интеллектуальная, в большей степени ориентированная на Запад, считавшая его образцом для подражания и воспринимавшая Россию как «варварскую» страну, стала символизировать уходящую Россию [Акопов]. Можно согласиться со словами Президента, что таким образом произошло своеобразное самоочищение общества [Путин...]. Согласно данным ВЦИОМ, более половины граждан отметили, что специальная военная операция России на Украине скорее сплотила российское общество (61 %).

Противоположной позиции придерживается каждый пятый (20 %) [Российское...]. С точки зрения конфликтологии, это закономерная реакция, когда общество сплачивается во время больших конфликтов по внешнему периметру социума. В своих теоретических работах авторитетный исследователь теории социального конфликта Л. Козер писал об интегрирующей функции конфликтов, возникающих по контуру государства: «...война, как правило, усиливает сплоченность общества, ибо испытывает на прочность и активизирует ценности и цели, которые ранее принимались как само собой разумеющиеся...» [Козер, 2000, с. 114-115]. И далее: «... при внешнем конфликте: он также мобилизует защитные механизмы группы, в частности, заново утверждает ценности группы в противовес ценностям врага... Конфликт сплачивает группу перед лицом внешней опасности и служит фактором социальной интеграции и укрепления самовыражения» [Козер, 2000, с. 114-115]. Иными словами, процессы, протекающие в

недрах социальной системы, могут – при определенных условиях возрастания силы внешней угрозы, особенно при явном доминировании информационно-психологического воздействия, – содействовать сохранению или даже возрастанию адаптивности системы, на время перекрывая действие внутренних противоречий социально-структурной поляризации общества. Динамика социологических данных показывает, что поддержка Путина выросла за последние месяцы СВО с 61 % до 81 %, а отношение к Западу ухудшилось в 2 раза – с 51 % до 20 % [Политолог Марков ...]. Политический лидер идет в фарватере общественных настроений своего общества, демонстрируя на данный момент отсутствие разрыва между институциональными действиями нашей политической системы и общественными ожиданиями социума, чего не скажешь в отношении западных лидеров: данные показывают нарастание недоверия к проводимой ими политике [Опрос CNN ...].

Библиографический список

1. Акопов П. Россия будущего – вперед, в СССР. URL: <https://www.politik.su/archives/61640>. (Дата обращения: 20.09.2022).
2. Бордачев Т. Война европейской интеграции. Российский Совет по международным делам. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/voyna-evropeyskoj-integratsii/>. (Дата обращения 23.04.2022).
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. (Редакция от 09.09.2000). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=40613>. (Дата обращения 20.09.2022).

4. Естафьев Д. Кризис в Республике Белоруссия: новый уровень социо-информационных войн. 2021. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20208311343-vA12v.html>. (Дата обращения 23.04.2022).
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. ; под науч. ред. О. И. Шкаратана. Москва : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Козер Л. Функции социального конфликта. Москва : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.
7. Кокошин А. А. Несколько измерений войны // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 5-19.
8. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. Москва : Горячая линия-Телеком, 2018. 495 с.
9. Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск : Фонд социо-прогностических исследований «Трендъ». 2006. 221с.
10. Опрос CNN показал, что 58% американцев не одобряют работу Байдена на посту президента США. URL: <https://www.interfax.ru/world/821403>. (Дата обращения: 23.04.2022).
11. Политолог Марков объяснил возросшую поддержку Путина чувством справедливости россиян. URL: https://politros.com/22648938politolog_markov_ob_yasnil_vozrosshuyu_podderzhku_putina_chuvstvom_spravedlivosti_rossiyan_?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop. (Дата обращения: 20.09.2022).
12. Портал ВЦИОМ. Информационная война вокруг специальной военной операции. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii>. (Дата обращения: 20.04.2022).
13. Почепцов Г. Г. Смысловые и информационные войны: поиск различий. URL: <http://psyfactor.org/psyops/infowar16.htm>. (Дата обращения: 30.04.2022).
14. Путин заявил о способности россиян отличить «патриотов» от «предателей». URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/03/2022/6231ed089a79477338478812>. (дата обращения: 20.09. 2022).
15. Самсонова Т.Н. Роль СМИ в политической социализации / Т. Н. Самсонова, Е. С. Наумова // Вестник Московского университета. № 4. 2019. С. 247-264.
16. Смена культурного кода Белоруссии через агрессивную национализацию. 2019. URL: <http://bditelnost.info/2019/05/13/smena-kulturnogo-koda-belorussii-cherez-agressivnyuyu-natsionalizatsiyu-dokument/>. (Дата обращения: 29.04.2022).
17. Сундиев И. Ю. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций») / И. Ю. Сундиев, А.А. Смирнов. Москва : Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. 433 с.
18. Российское общество на фоне внешних угроз. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-po-svoim-pravilam>. (Дата обращения: 19.09.2022).
19. Шевченко Т. А. Осмысление понятия «Информационно-психологическая война» как феномена информационного воздействия. Опыт США. // Nauka.me.

2018. № 5. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s241328880000293-6-1/>. (Дата обращения 20.09.2022).

20. Эксперты ЭИСИ обсудили масштабы информационной войны, развернутой Западом против России. Материалы Круглого стола «Информационная война против России: технологии, реакция, результат». 08.04.2022. URL: <https://eistr.ru/news-and-announcements/eksperty-eisi-obsudili-masshtaby-informatsionnoy-voyny-razvernutoy-zapadom-protiv-rossii/>. (Дата обращения: 20.09.2022).

21. Bellamy C. What is information warfare? – In: Matthews, R., Treddenick, J. (eds) *Managing the revolution in military affairs*. Palgrave Macmillan, London. 2001. Accesses 73. Citations 1. P. 56-75.

22. Blair B.G. *Strategic command and control*. Washington, D.C: The Brookings Institution, 2001. 341 p.

23. Chomsky N. 10 strategies of manipulation by the media. URL: <https://www.demenzemedicinagenerale.net/pdf/14-10-strategies-of-manipulation.pdf>. (Дата обращения: 16.04.2022).

24. Diana Owen. The new media's role in politics. URL: <https://www.bbvaopenmind.com/en/articles/the-new-media-s-role-in-politics/>. (Дата обращения: 20.04.2022).

25. Lakoff G. *The political mind: A cognitive scientist's guide to your brain and its politics*. New York etc., 2009.

26. Paikin, Z. EU-Russia relations and the crisis in Belarus: toward a more “geopolitical” Europe? URL: <https://www.frstrategie.org/node/3921>. (Дата обращения: 30.04.2022).

27. Psychological operations/warfare. URL: <http://www.psywarrior.com/psyhist.html>. (Дата обращения 20.06.2022).

Reference list

1. Akopov P. *Rossija budushhego - vpered, v SSSR = Russia of the future - forward to the USSR*. URL: <https://www.politik.su/archives/61640>. (Дата obrashhenija: 20.09.2022).

2. Bordachev T. *Vojna evropejskoj integracii. Rossijskij Sovet po mezhdunarodnym delam = War of European integration. Russian International Affairs Council 2022*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/voyna-evropejskoj-integratsii/>. (Дата obrashhenija: 23.04.2022)

3. Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. (Redakcija ot 09.09.2000) = *Doctrine of Information Security of the Russian Federation. (Revision from 09.09.2000)*. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=40613>. (Дата obrashhenija: 20.09.2022).

4. Estaf'ev D. *Krizis v Respublike Belorussija: novyj uroven' socio-informacionnyh vojn = Crisis in the Republic of Belarus: a new level of socio-information wars.2021*. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20208311343-vA12v.html>. (Дата obrashhenija: 23.04.2022).

5. Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura = Information age: economics, society and culture / per. s angl. ; pod nauch. red. O. I. Shkaratana. Moskva : GU VShJe, 2000. 608 s.
6. Kozler L. Funkcii social'nogo konflikta = Functions of social conflict. Moskva : Ideja-Press, Dom intellektual'noj knigi, 2000. 205 s.
7. Kokoshin A.A. Neskol'ko izmerenij vojny = Several dimensions of war // Vo-prosy filosofii. 2016. № 8. S. 5-19.
8. Manojlo A. V. Informacionnye vojny i psihologicheskie operacii. Rukovodstvo k dejstvu = Information warfare and psychological operations. A guide to action. Moskva : Gorjachaja linija-Telekom, 2018. 495 s.
9. Naj Dzh. S. Gibkaja vlast'. Kak dobit'sja uspeha v mirovoj politike = Flexible power. How to succeed in world politics. Novosibirsk : Fond socio-prognosticheskikh issledovanij «Trendy», 2006. 221 s.
10. Opros CNN pokazal, chto 58% amerikancev ne odobrajut rabotu = Bajdena na postu prezidenta SShA. A CNN poll found out that 58% of Americans disapprove Biden's work as president of the United States. URL: <https://www.interfax.ru/world/821403>. (Data obrashhenija: 23.04.2022).
11. Politolog Markov ob#jasnil vozrosshuju podderzhku Putina chuvstvom spravedlivosti rossijan = Political analyst Markov explained Putin's increased support for the sense of Russians' justice. URL: https://politros.com/22648938politolog_markov_ob_yasnil_vozrosshuju_podderzhku_putina_chuvstvom_spravedlivosti_rossijan_?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop. (Data obrashhenija: 20.09.2022).
12. Portal VCIOM. Informacionnaja vojna vokrug special'noj voennoj operacii = VTsIOM portal. Information war around a special military operation. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii>. (Data obrashhenija: 20.04.2022).
13. Pohepcov G. G. Smyslovy e i informacionnye vojny: poisk razlichij = Meaning and information wars: Finding Difference. URL: <http://psyfactor.org/psyops/infowar16.htm>. (Data obrashhenija: 30.04.2022).
14. Putin zajavil o sposobnosti rossijan otlichit' «patriotov» ot «predatelej = Putin announced the ability of Russians to distinguish “patriots” from “traitors”. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/03/2022/6231ed089a79477338478812>. (Data obrashhenija: 20.09.2022).
15. Samsonova T.N. Rol' SMI v politicheskoj socializacii = The role of the media in political socialization / T. N. Samsonova, E. S. Naumova // Vestnik Moskovskogo universiteta. № 4. 2019. S. 247-264.
16. Smena kul'turnogo koda Belorussii cherez agressivnuju nacionalizaciju Change of the cultural code of Belarus through aggressive nationalization. 2019. URL: <http://bditelnost.info/2019/05/13/smena-kulturnogo-koda-belorussii-cherez-agressivnyu-natsionalizatsiyu-dokument/>. (Data obrashhenija: 29.04.2022).
17. Sundiev I. Ju. Teorija i tehnologii social'noj destrukcii (na primere «cvetnyh revoljucij») = Theory and technologies of social destruction (using the example of “color revolutions”) / I. Ju. Sundiev, A. A. Smirnov. Moskva : Russkij biograficheskij institut, Institut jekonomicheskikh strategij, 2016. 433 s.

18. Rossijskoe obshhestvo na fone vneshnih ugroz = Russian society against the background of external threats. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-po-svoim-pravilam>. (Data obrashhenija: 19.09.2022).

19. Shevchenko T. A. Osmyslenie ponjatija «Informacionno-psihologicheskaja vojna» kak fenomena informacionnogo vozdejstvija = Understanding the concept of “Information and psychological war” as a phenomenon of information impact. Opyt SShA. // Nauka.me. 2018. № 5. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s241328880000293-6-1/> (Data obrashhenija: 20.09.2022).

20. Jeksperty JeISI obsudili masshtaby informacionnoj vojny, razvernutoj Zapadom protiv Rossii. Materialy Kruglogo stola «Informacionnaja vojna protiv Rossii: tehnologii, reakcija, rezul'tat» = EISI experts discussed the scale of the information war launched by the West against Russia. Materials of the Round Table “Information War against Russia: Technology, Reaction, Result”. 08.04.2022. URL: <https://eistr.ru/news-and-announcements/eksperty-eisi-obsudili-masshtaby-informatsionnoj-vojny-razvernutoj-zapadom-protiv-rossii/>. (Data obrashhenija: 20.09.2022).

21. Bellamy C. What is information warfare? - In: Matthews, R., Treddenick, J. (eds) Managing the revolution in military affairs. Palgrave Macmillan, London. 2001. Accesses 73. Citations 1. P. 56-75.

22. Blair B.G. Strategic command and control. Washington, D.C: The Brookings Institution, 2001. 341p.

23. Chomsky N. 10 strategies of manipulation by the media. URL: <https://www.demenzemedicinagenerale.net/pdf/14-10-strategies-of-manipulation.pdf>. (Data obrashhenija: 16.04.2022).

24. Diana Owen. The new media's role in politics. URL: <https://www.bbvaopenmind.com/en/articles/the-new-media-s-role-in-politics/>. (Data obrashhenija: 20.04.2022).

25. Lakoff G. The political mind: A cognitive scientist's guide to your brain and its politics. New York etc., 2009.

26. Paikin, Z. EU-Russia relations and the crisis in Belarus: toward a more “geopolitical” Europe? URL: <https://www.frstrategie.org/node/3921>. (Data obrashhenija: 30.04.2022).

27. Psychological operations/warfare. URL: <http://www.psywarrior.com/psyhist.html>. (Data obrashhenija: 20.06.2022).

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 30.10.2022; принята к публикации 24.11.2022.

The article was submitted on 15.09.2022; approved after reviewing 30.10.2022; accepted for publication on 24.11.2022